

11

12.

Художественный отделъ.

Section artistique.

	Стр.
I. „А. А. Ивановъ“. Статья В. Розанова	3—6
II. 17 снимковъ съ произведений А. А. Иванова	7—16
III. 20 снимковъ съ картинъ коллекціи и интерьеровъ дома М. И. Мятлево	19—34
IV. „Собрание М. И. Мятлево въ С.-Петербургѣ“. Статья Александра Бенуа	35—41
ПРИЛОЖЕНІЯ: I. А. А. Ивановъ: Голова Іоанна Крестителя. П. Л. Тока. „Ихъ въ Желотъ въ роли Аполлона“ Обложка, заглавный листъ, листъ хроники: вилетки Памла Кузнецова, нарисованы Василия Милоти. Заглавный листъ къ коллекціи Мятлево: рамка и напись М. В. Добужинскаго. Листъ біографіи Н. Крымова. Марка—И. Билибина. Вилетки: А. Арановъ (стр. 35, 59, 80, 160), П. Бромискій (стр. 87), В. Дриттенпреис (стр. 102), Н. Крымовъ (стр. 53, 67, 96, 106, 118), Павелъ Кузнецовъ (стр. 19, 20, 42, 58, 128), Вас. Милоти (стр. 88, 114), Н. Сапуновъ (стр. 121), А. Срединъ (стр. 26, 51, 57, 127), С. Судейкинъ (стр. 79, 125), Н. Осифилактовъ (стр. 41, 46, 68), М. Врубель—рисунки (стр. 101), А. Ивановъ—рисунки (стр. 3, 7, 12), акварель—„мастерская художника“ (6).	

Стихи, беллетристика, статьи.

I. Валерій Брюсовъ. „Пѣсни о погибшей любви“, 2 стих.	42
II. Андрей Бѣлый. „Обыденность“, 2 стих.	44
III. Федоръ Сологубъ. 3 стихотворенія	46
IV. Георгій Чулковъ. „Весною на сѣверѣ“, стих.	48
V. Борисъ Садовской. „Кюверт-Самодѣль“, стих.	50
VI. Александръ Бискъ. „Парижскіе сонеты“, 3 стих.	52
VII. С. Городецкій. „Половинники“, стих.	53
VIII. Болеславъ Лесмянскій. „Пѣсни Василисы Премудрой“, 3 стих.	54
IX. Макс. Волошинъ. 2 стихотворенія	56
X. Б. Диксъ. 2 стихотворенія	57
XI. Эразмъ Штейнъ. „Fatum“, стих.	58
XII. Леонидъ Андреевъ. „Елеазаръ“, рассказъ	59
XIII. М. Кузминъ. „Повѣсть объ Елеазарѣ“, рассказъ	68
XIV. А. Топорковъ. „Грань“, рассказъ	80
XV. Андрей Бѣлый. „Принципы формы въ эстетикѣ“, стих.	88
XVI. В. Розановъ. „Послѣднее къ комментарию „Легенда о великомъ инквизиторѣ“ О. Достоевскаго“	97
XVII. Борисъ Садовской. „Поэзія А. П. Полонскаго“, ст.	102
XVIII. Александръ Блокъ. „Безвременье“, стих.	107
XIX. Андрей Бѣлый. „Письмо изъ Мюнхена“, очерки	115
XX. А. Ростиславовъ. „Въ музеѣ Александра III“, стих.	118
XXI. К. Эйгесъ. „Основная антиномія музыкальной эстетики“, стих.	122
XXII. Вольфгангъ. „Отголоски юбилея Шумана“, стих.	126
XXIII. А. М. „Астарта Востока и подлѣбныя отраженія этого культа“	129

Художественная хроника.

I. А. Шервацидзе. Выставка Русскаго Художества въ Парижѣ	130
II. Конст. С. Парижскія газеты о Русской Выставкѣ	133
III. К. Суннербергъ. Художественная жизнь Петербурга	134
IV. Ростиславовъ. Изборки о художественныхъ дѣлахъ	136
V. О. Дымовъ. Петербургскіе театры	137
VI. В. Каратыгинъ. Музыкальная жизнь Петербурга	139
VII. В. Милоти и М. Ликиардопуло. Московскія выставки	143
VIII. А. Курскій. Московскіе драматическіе театры	144
IX. И. А. С. и В. Московская музыкальная жизнь	145
X. Вѣсти отовсюду	149

Отдѣлъ критико-библіографическій.

1. Валерій Брюсовъ.—З. Н. Гиппиусъ. „Алый Мечъ“	154
2. Ю. Балтрушайтисъ.—Ю. Айхенвальдъ. „Силуэты русскихъ писателей“	154
3. Саади.—К. Арсеньевъ. „Салтыков-Штедринъ“	155
4. Влад. Ниландеръ.—П. Овидій Назонъ. „Пѣсни любви“	155
5. Влад. Ниландеръ.—Г. фонъ-Гофмансталь. „Драмы“	156
6. М. Ликиардопуло.—К. К. Гюйсманъ. „Наоборотъ“	156
7. А. Н-скій.—„Золотой“	157
8. А. Н-скій.—„Что новаго въ нашей художественно-археологической литературѣ“	158

ОТЪ РЕДАКЦІИ.
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОСНОВНЫЕ СМЫСЛЫ.

	Pages.
I. A. A. Ivanov. Article de V. Rosanov	3—6
II. 19 reproductions des œuvres de A. A. Ivanov	7—16
III. 20 reproductions de la collection et des intérieurs modernes de M. I. Miatlev	19—34
IV. La collection de M. I. Miatlev à St.-Petersbourg. Article d'Alexandre Benois	35—41
SUPPLÉMENTS: 1) A. A. Ivanov: Tête de St.-Jean-Baptiste. 2) L. Tocqué. Jelyotte dans le rôle d'Apollon. Dessin de la couverture, en-têtes du sommaire et de la chronique, vignettes de Paul Kouznetsov, inscriptions de Basile Milioti. Entête des reproductions de la collection Miatlev, cadre et inscription de M. V. Doboujinsky. Feuille de la partie bibliographique—de N. Krymov. Marque de I. Bilibine. Vignettes de A. Arapov (p. 35, 59, 80, 160), P. Bromirsky (p. 87), V. Drittenpreis (p. 102), N. Krymov (p. 53, 67, 96, 106, 118), Paul Kouznetsov (p. 19, 20, 42, 58, 128), Basile Milioti (88, 114), N. Sapounov (121) A. Sredine (p. 26, 51, 57, 127), S. Soudeikine (p. 75, 125), N. Théophilaktov (p. 41, 46, 68). M. Vroubel—dessin (101). A. Ivanov—dessins (3, 7, 12). aquarelle—„atelier du peintre“ (6).	

Poésies, belles-lettres, articles.

I. Valère Brussov. „Chants sur l'amour flétri“, 2 poésies	42
II. André Biély. „Scènes banales“, 2 poésies	44
III. Fédor Solohoub. 3 poésies	46
IV. Georges Tchoulkov. „En printemps vers le nord“, poésie	48
V. Boris Sadovsky. „Tapis aérien“, poésie	50
VI. Alexandre Bisk. „Sonnets parisiens“, 3 poésies	52
VII. S. Gorodetski. „Les amantes“, poésie	53
VIII. Boleslas Lesmian. „Chansons de la sage Basillise“	54
IX. Max. Voloschine. 2 poésies	56
X. B. Diks. 2 poésies	57
XI. Erasme Stein. „Fatum“, poésie	58
XII. Léonidas Andréev. „Elezare“, récit	59
XIII. M. Kouzmine. „Histoire d'Elezippe“, récit	68
XIV. A. Toporkov. „Les faces“, récit	80
XV. André Biély. „Le Principe de la forme dans l'esthétique“	88
XVI. V. Rosanov. „Epilogue aux commentaires de la „Légende du grand inquisiteur“ de F. Dostoevsky	97
XVII. Boris Sadovsky. „La Poésie de I. Polonsky“, article	102
XVIII. Alexandre Blok. „Intempérie“, article	107
XIX. André Biély. „Lettre de Munich“, notes	115
XX. A. Rostislavov. „Au musée d'Alexandre III“, poés.	118
XXI. K. Eiges. „L'antinomie fondamentale de l'esthétique musicale“, article	122
XXII. Wollfing. „Echos du jubilé de Schumann“, article	126
XXIII. A. M. „Le culte d'Astarte en orient et ses réminiscences ultérieures“	129

Chronique des arts.

I. A. Schervachidzé. Exposition de la peinture russe à Paris	130
II. Const. S. Les journaux de Paris	133
III. C. Symmerberg. La vie artistique à St.-Petersbourg	134
IV. A. Rostislavov. Notes sur les événements artistiques	136
V. O. Dymov. Les théâtres de Pétersbourg	137
VI. V. Karatigine. La vie musicale à St.-Petersbourg	139
VII. B. Milioti et M. Lyriardopoulos. Les expositions de Moscou	143
VIII. A. Kour—sky. Les théâtres dramatiques de Moscou	144
IX. I. A. S. et B. La vie musicale de Moscou	145
X. Nouvelles de partout	149

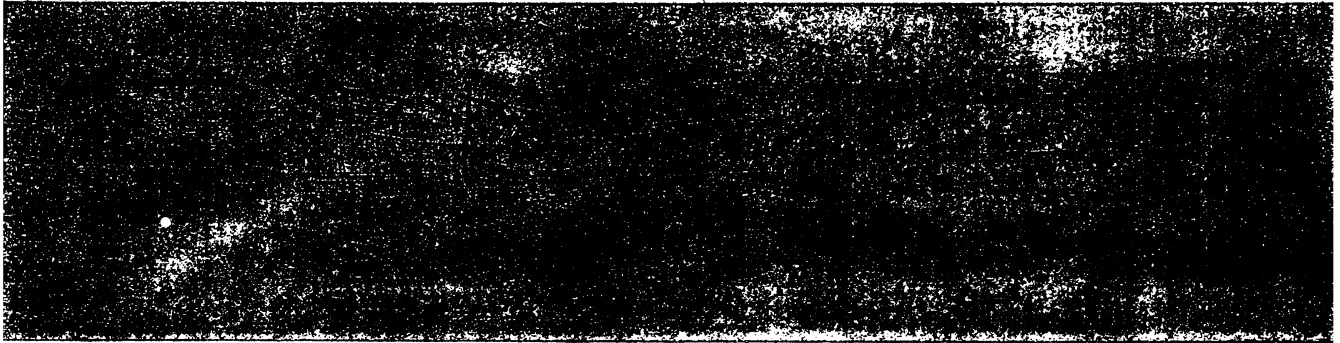
Critique et bibliographie.

1. Valère Brussov. Z. Hippius. „Le Glaive Rouge“	154
2. J. Baltrusaitis. I. Aichenwald. „Silhouettes des écrivains russes“	154
3. Saadi. C. Arseniev. „Saltykov-Stchedrine“	155
4. V. Nilender. Ovide. „Les amours“	155
5. V. Nilender. H. von Hofmansthal. „Draves“	156
6. M. Lykiardopoulos. Huysmans. „A rebours“	156
7. A. N—sky. „L'architecte“	157
8. A. N—sky. „Nouveaux livres d'archéologie artistique“	158

AVIS DE LA REDACTION.
ANNONCES

МОСКВА
Типо-литография Товарищества И. И. Кушнеревъ и К^о.
1906

MOSCOU
Imprimerie de la Société J. N. Kouchnerev et Cie.
1906.

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ИВАНОВЪ.

16 іюля 1806 г.—16 іюля 1906 г.

Въ нынѣшнемъ году 16-го іюля исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія А. А. Иванова, творца „Явленія Христа народу“,—картины, хранящейся въ московскомъ публичномъ Румянцевскомъ музеѣ. Многочисленные этюды къ ней, изъ которыхъ нѣкоторые сильнѣе частностей самой картины,—находятся въ отдѣльномъ помѣщеніи въ Третьяковской галлерей. Такимъ образомъ Москва владѣетъ почти всѣмъ художественнымъ наслѣдствомъ, оставленнымъ замѣчательнѣйшимъ изъ нашихъ живописцевъ, даже по мнѣнію нѣкоторыхъ—величайшимъ. Въ Эрмитажѣ и въ собраніи М. П. Боткина находятся только первыя, почти ученическія работы художника, на заданныя темы: „Беллерофонтъ отправляется въ походъ противъ Химеры“ и др. подобныя, на классическіе и на библейскіе или скорѣе псевдо-классическіе и псевдобиблейскіе сюжеты. Изъ послѣднихъ назовемъ: „Іосифъ въ темницѣ истолковываетъ сны царедворцамъ фараона“. Читатель нашего времени сразу пойметъ, что художнику при выборѣ такихъ темъ и еще хуже при дачѣ ихъ не оставалось ничего, какъ рисовать одежды, обстановку, кусочки страны, иногда не виданной и знакомой лишь по атласамъ, т.-е. такъ и иначе комбинировать атласы же, разрисовывать до извѣстной степени красками по топографическимъ контурамъ этихъ атласовъ—и ничего больше!! „Сонъ фараона“, „истолкованіе сна“—какая ка ба л и с т и к а!! Надо быть кабалистомъ или по крайней мѣрѣ русскимъ суевѣромъ, про-

жить годы, провести юность гдѣ-нибудь среди потяковъ, видя ихъ языческія жертвоприношенія, по крайней мѣрѣ провести время, и не малое, среди цыганъ и цыганокъ, чтобы почувствовать эту жадность къ волшебству и ту неувѣренную, колеблющуюся психологію, которая ищетъ „въ теперешнемъ“ знаковь „будущаго“... Безъ этого ученикъ академіи, въ Петербургѣ, на раціональномъ Васильевскомъ о-вѣ что могъ нарисовать на данную тему, кромѣ... одежды, фигуръ, фигуръ феллаховъ, для чего-то введенныхъ въ темницу,—и для свѣдѣнія и доказательства, что все это происходило „въ Египтѣ“, помѣстить гдѣ-нибудь уголокъ пирамидъ и обелисковъ... Несбыточность и невозможность, какъ „Юрій Милославскій“ подъ перомъ петербургскаго чиновника Загоскина или „Джуліо Мости“—„драматическая фантазія, съ интермедіей“ Кукольника. Но такія были времена, что мы срисовывали, копировали, а не творили. „Срисовывали“ цѣлыя категоріи явленій, такъ сказать цѣлыя „провинціи“ великаго царства искусствъ, наукъ, цивилизаціи... Вотъ „оды“—безъ восторга, „сатира“—безъ злости, „театръ“—безъ какой-нибудь необходимости что-нибудь и кого-нибудь представлять: все вообще и въ цѣломъ „Беллерофонтъ, поражающій Химеру“—подъ кистью петербургскаго начинающаго художника, которому ни до Химеры, ни до Беллерофонта дѣла нѣтъ, а есть дѣло до его экзаменаторовъ, строго посматривающихъ на ученическую работу „начинающаго“...

Перевернемъ обратно и вообразимъ египтянъ, рисующихъ „слушателя у телефона“, ассирийца — ваяющего „русского протодіакона“, или китайцевъ, изображающихъ „конспиративную квартиру на Садовой улицѣ“... Гадость и ненужность! Она прoderжалась сто лѣтъ и рухнула какъ балаганъ...

Ивановъ темою „Явленіе Христа народу“ соединилъ этотъ падающій балаганъ академическихъ заказовъ съ зарождающимся движеніемъ къ воплощенію въ искусствѣ простого, естественнаго, живого и дѣйствительнаго. Онъ взялъ подлинную вѣру, свою и народную,—но взялъ ее не въ живомъ моментѣ своей или видѣнной молитвы, а въ отвлеченіи и обобщеніи, отнеся къ объекту, болѣе котораго не можетъ быть: „Мессія передъ народомъ“, „первое явленіе Христа народу“... Тутъ есть немножко Гоголя, иллюзій его послѣднихъ лѣтъ. „Христіанство—это полу-реальность, полумечта, полу-фактъ, полу-ожиданіе—оно для поколѣнія тѣхъ лѣтъ, впервые пробуждавшагося къ реальному, представлялось величайшею историческою, міровою реальностью; реальностью, какая едва вмѣщается въ Россіи, въ цѣлой новой Европѣ,—вмѣстилась и еще не умѣстилась, все расширяетъ собою, все ломаетъ неизмѣримымъ своимъ объемомъ. Въ дни наши эту самую тему художникъ пожалуй бы взялъ понаряднѣе и живѣе, какъ, напр., ее выразилъ Достоевскій въ видѣ „вторичнаго явленія Христа на землѣ“ въ XVI вѣкѣ, въ Севильѣ, только что вотъ-вотъ послѣ auto-da-fe (начало „Легенды объ инквизиторѣ“ въ „Бр. Карамазовыхъ“). Тутъ можно внести нашу психологію, наши спеціальныя ожиданія и спеціальныя страданія, разочарованія, недоумѣнія... Но Христосъ и Его первое явленіе евреямъ... это — тотъ же „Беллерофонтъ“, почти...

Тѣ времена, евреи? Что могъ знать и изобразить о нихъ Ивановъ, кромѣ „еврейскихъ бородъ“, смуглаго цвѣта кожи, непремѣнной „шкурѣ“ на плечѣ Іоанна Крестителя и фигуръ въ разныхъ позахъ. Увы, „Беллерофонтъ“ и „Беллерофонтъ“... Иной поворотъ дѣла, если мы возьмемъ „грѣхъ“ и „искупленіе“: но тогда зачѣмъ „Крещеніе во Іорданѣ“?.. Ко „грѣху“ и „искупленію“ это непремѣннаго отношенія не имѣетъ, это первенствующаго значенія не носитъ... Тогда нужно было брать Голгофу, мученія во дворѣ первосвященника, „Иисусъ передъ Пилатомъ“ или, напр., этотъ „Сонъ учениковъ“ во время Геосиманской молитвы... Что-нибудь изъ послѣднихъ дней. „Явленіе Христа народу“—темою этою Ивановъ какъ бы хотѣлъ изваять и увѣковѣчить страницу учебной исторіи, такъ сказать построить тяжеловѣсную и тысячелѣтнюю пирамиду на трудъ одного вечера Иловай-

скаго, гдѣ сей ученый мужъ и сотни ему подобныхъ изъясняютъ въ важныхъ и равнодушныхъ строкахъ „все значеніе пришествія І. Христа“ на землю, собственно—появленія Его среди народовъ, и еще колоритнѣе—„появленіе Его въ исторіи“—и даже пожалуй именно въ „исторіи“ Шлоссера, Вебера или Иловайскаго... Ивановъ вмѣсто того, чтобы взять „христіанство“ какъ „фактъ души“, „переломъ души“, страницу „моей душевной исторіи“,—что возможно было встрѣтить черезъ бесѣды съ Никодимомъ, съ Самарянкою, черезъ „Преображеніе“ и многія другія внутренне-душевыя, страшно-замкнутыя, какъ бы „запертыя“ страницы евангелія—выясилъ изобразить „историческое значеніе христіанства“, „роль его въ исторіи“... Можно думать, оттого такъ долго онъ и работалъ надъ картиною (20 лѣтъ), что была неудача въ первоначальномъ ея замыслѣ и вообще сбивчивость въ самой мысли, съ которою художникъ приступилъ къ „труду своей жизни“... Что такъ долго не дается, не выполняется, что до такой степени „ползетъ“—уже не есть плодъ вдохновенія. Это—компиляція кистью на философскую или ученую тему... „Значеніе христіанства для исторіи“, конечно, опредѣляется „значеніемъ Христа для человѣка“; но это сказалося въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, съ Самарянкой, въ секунды призыва апостоловъ, въ словахъ къ Начанаилу, вообще въ „затворенныхъ“ событіяхъ, съ тайнымъ вѣяніемъ около словъ и поступковъ. Въ „крещеніи“ же ровно ничего изъ этого не сказалося, ничего нѣжнаго, проникающаго, трогающаго, преобразующаго. Ни въ крещеніи, ни въ какомъ-либо другомъ событіи на улицѣ, среди толпы... Ивановъ изнемогъ подъ темою „Первое явленіе Христа народу“, которое (страшно сказать!) комически соскальзывало на „первое представленіе“ народу, гдѣ „представляющимъ“ и почти „рекомендующимъ“ является Іоаннъ Креститель и отчасти Ивановъ: невозможное положеніе! мучительная какофонія, подъ которою упалъ художникъ, самъ Христосъ подъ крестомъ!..

Отсюда на первомъ мѣстѣ въ картинѣ и выступаетъ „тотъ, кто представляетъ“—Іоаннъ Креститель. Картина вовсе не изображаетъ того, что подъ нею подписано. Настоящее названіе картины—„Пустынникъ Іоаннъ среди народа“... Иисусъ,—о Немъ никто и не говоритъ среди критиковъ, оцѣнщиковъ, зрителей, никто! никто! Да и нечего говорить: Христосъ почти и не нарисованъ! А написано подъ картиною и тема была—„Первое явленіе Христа народу“... Но Его нѣтъ, почти нѣтъ!.. Опять рвется комическое сравненіе: „дверь растворена! всѣ ждуть—но онъ почему-то задержался“... Картина безъ сюжета или во всякомъ

случаѣ „не по подписи“. Удивительно! И для Иисуса у него нѣтъ тѣхъ безчисленныхъ эскизовъ, какіе остались отъ „мальчиковъ“ и „головы Іоанна“... Эта „голова Іоанна“ и есть самое замѣчательное „лицо“ въ картинѣ, сюжетъ возбуждавшій толки, удивленіе. Тамъ „голова Іоанна“: а при чемъ же тутъ „явленіе Христа народу“?.. Если „голова“ закрыла все поле, заняла до лѣтъ работы... то ей и мѣсто, и положеніе и историческая роль“... Я же говорю, что все это „Беллерофонтъ“...

Наполовину такъ, въ смыслѣ и „да“ и „нѣтъ“. Отчего Ивановъ отнесъ Иисуса въ даль, въ большую даль,—въ такую перспективу, что фигура Его представляется маленькою, а лицо и вовсе не разглядываемо. Что за поразительность въ знаменитой картинѣ, которая рисуется цѣлую жизнь, и которую вся Россія ждетъ увидѣть — нарисовать главное лицо, до извѣстной степени — Единственное Лицо (ибо на кого же въ присутствіи Иисуса смотрѣть?) такъ, что... ничего не видно! Вѣроятно единственный казусъ въ исторіи живописи... „Нарисовалъ, но не покажу“. Хуже этого вышло: нарисовалъ, но такъ, что ничего нельзя разсмотрѣть. Единственный казусъ... Фигура очень маленькая: для „смиренія“?.. Тогда понятна очень большая и выпуклая фигура Іоанна. Да, „смиреніе“ очевидно занимало Иванова, какъ и друга его Гоголя. Но неужели для „смиренія“ художникъ поставилъ такъ далеко? Вѣроятно же, что онъ у бѣжалъ отъ темы, не будучи въ силахъ произнести о ней ни одного слова. Да и нечего было произнести: въ „крещеніи“ ни „историческаго значенія христіанскаго“, ни „внутренняго дѣйствія Христа на душу“ не было. Художникъ ошибся въ темѣ, невѣрно взявъ моментъ и не установивъ, что именно онъ хочетъ выразить картиною.

Блѣдно-голубой хитонъ драпируется красиво — и некрасиво... Ничего нѣтъ! Ну,—„хитонъ“: но почему это „явленіе Христа народу“? Если хитонъ виденъ, а лица не видно, то есть только „явленіе хитона народу“. Тогда надо было рисовать „раздѣленіе ризъ“: было бы выразительнѣе. Наконецъ, эти группы народа, эта просто „народная сцена въ Галилеѣ“, —каковую подпись собственно и слѣдовало сдѣлать подъ картиною,—какое она имѣетъ отношеніе ко Христу и связь съ Нимъ? Чѣмъ-нибудь они измучены, эти люди? толпятся? раскаиваются? Не замѣтно. Одинъ Іоаннъ Креститель съ его: „вонъ! вонъ!“ А что „вонъ“ — темно... Картина ничего объ этомъ не говоритъ, да и не могла бы сказать. „Явленіе Христа народу“ есть существенно не этнографическій фактъ, а душевный, тогда какъ Ивановъ до

очевидности рисовалъ этнографію и это до очевидности видно по его эскизамъ. Ну, это хорошо къ „Путешествію Ливингстона“, къ „Странствованію по Св. Мѣстамъ“ игумена Даниила: но къ чему тутъ „явленіе Христа народу“? Передъ Христомъ, для Христа, вокругъ Христа—этнографія просто не существовала, малилась до нуля. Но когда этотъ „нуль“ Ивановъ разрисовалъ до очень большой величины, занялъ имъ все полотно картины, и онъ только одинъ и виденъ, этотъ нуль, а Христосъ почти не виденъ... то опять какое же это и почему „явленіе Христа народу“, а не скорѣе „затмѣніе Христа народомъ“... Ну вотъ это опять настоящее имя картины, которую черезъ силу кончилъ Ивановъ, геніально въ деталяхъ и даже не начавъ въ темѣ,—привезъ и умеръ, почти въ самый день ея выставки. „Такъ тяжело“. Фатумъ,—но кое-что говорящій собою о художникѣ, о работѣ, можетъ быть даже о темѣ ея...

Ивановъ творилъ и жилъ въ Гоголевское время, въ эти годы формированія общихъ религіозныхъ концепцій; и отдался темѣ чрезвычайно общаго значенія, полу-исторической, полу-философской. Реализмъ проснулся тогда даже вездѣ; но не смѣлъ пробудиться въ религіи. Только въ одной религіи мы обязаны были грезить, мечтать, но не видѣть и не смотрѣть. „Беллерофонты“ всего дольше удержались здѣсь, потому что здѣсь все было не наше, все—принесенное, заимствованное... Знаменитыя позднѣйшія картины „Протодіаконъ“, „Въ монастырской гостиницѣ“, „Крестный ходъ“ поставили насъ на землю и вывели первый большой „Азъ“ православно-русской живописи. Они нарисовали намъ „русское язычество“ въ оболочкѣ христіанской терминологіи, нарисовали чистую этнографію, вставленную въ кіотъ древней византійской рѣзбы и позолоты...

Все ли это? кончается ли этимъ „вѣра русскихъ“? „Вѣра русскихъ“... Но вѣдь ужъ это не „служилый“, іерархическій людъ, круга котораго единственно коснулась пока кисть нашихъ великихъ реалистовъ... „Вѣры русской“, т.-е. ликовъ людей, прибѣгающихъ къ храму, наши художники не тронули ни отрицательно, ни положительно. „Вѣра русская“—если взять со стороны не іерархіи, а „пасомыхъ“—вся заключается въ „молитвѣ“, какъ у іерархіи она вся заключена въ „обрядъ“... „Обряды“ и всѣ русскіе исполняютъ, при „обрядахъ“ присутствуютъ; но „обрядово молятся“ только старообрядцы, и болѣе въ отпоръ угнетенію, постигшему эти обряды, нежели по существу и порыву. Въ общемъ же всѣ русскіе, „исполняя обряды“, имѣютъ молитву внѣ ихъ, независимо отъ нихъ, пожалуй согласно съ ними или точ-